

ТОРЖЕСТВЕННОЕ открытие конгресса состоялось в университете имени Симона Фрейзера. Это целый «марсианский» комплекс. Английский режиссер Питер Холл собирается здесь снимать (а может быть, уже снимает) натуру для своего научно-фантастического фильма. На солнце белые блоки зданий кажутся подавляюще огромными. Над головой скрещиваются перекрытия, а неисчислимые ступени гигантских лестниц заставляют вспоминать античные трагедии. Прямо как в стихах Николая Заболоцкого:

...Каналы
Для неизвестных нам судов
И стеловидные вокзалы
Среди марсианских городов.

Выступавшие на конгрессе располагались перед аудиторией, как в «Тайной вечере»: большой стол на краю эстрады, за ним, лицом к залу — докладчик и его оппоненты. Перед каждым — табличка с его фамилией.

Шекспироведческая наука предстала здесь во всех своих видах и отраслях. Спорили текстологи. Лингвисты разбирали структуры фраз. Специалисты по театральной архитектуре сообщали вновь полученные данные об измерениях зданий «Глобуса», «Лебеда», «Розы» — лондонских театров шекспировских времен. «Глобус» теперь собираются воссоздать там, где он был, — на берегу Темзы. Правда, я не узнал, входит ли в план реконструкции также и устройство травли медведей — зрелища, которое устраивали в дни, свободные от спектаклей.

Да, здесь можно было познакомиться со всеми современными отраслями шекспироведения — вплоть до исследования текстов Шекспира с помощью счетно-вычислительных машин. И все же за несколько дней до закрытия конгресса на стендах (там демонстрировались все последние литературные поступления) появилась книга на тему, кажущуюся еще более старой, чем сами пьесы автора «Гамлета». Оказывается, в шекспировских «Сонетах» открылось некое систематическое повторение слогов, образующее фамилию Бэкон. Значит, Шекспира все-таки не было? Его пьесы написаны лордом Бэконом?

— Я тоже думаю, что не было, — сказал мне со своим печальным-флегматическим выражением лица (таким оно становится обычно, когда он шутит) профессор Спенсер, директор Шекспировского института в Стратфорде-на-Эйвоне. — Был вовсе не Шекспир, которого мы знаем, а его однофамилец. Актер — Вильям Шекспир.

МАКБЕТ В ДЖИНСАХ

Конечно, суевериям нет места в наши дни, но все же... Мне порой казалось, что индейские «тотемы» отогнали от конгресса тени педантизма и скуки. «Тотемы» — раскрашенные деревянные изваяния высотой в несколько человеческих ростов, звери, птицы, чудовища — стоят в Тотем-парке, близ университета Британской Колумбии, где шли научные заседания. Они-то, видимо, и охраняли университетские аудитории. А во дворе университета

конгресс в первый раз, вас удивляло некое единообразное движение: проходящие мимо вас задерживались, наклонялись и вглядывались в карточку, прикрепленную на груди у каждого делегата: имя, университет, страна. «Опознавали» старых знакомых по книгам и трудам.

— Мисс Брэдбрук, — сказал и я, увидев знакомое имя на карточке. — Вашу книгу «Темы и условности в елизаветинской трагедии» в 30-х годах с настоятельным советом непременно прочесть подарил мне С. М. Эйзенштейн.

«Новые методы исследований» и многие другие. Специальный театраль- ный коллоквиум был посвящен различным интерпретациям двух сцен из «Троила и Крессиды». Конгресс сопровождался множеством просмотров спектаклей и фильмов. Для меня оказались наиболее интересными выступления профессоров Вольфганга Клемена, Джона Рассела Брауна, Мариам Брэдбрук, Хербейджа и, пожалуй, особенно профессора Спенсера, чей доклад назывался (в приближенном русском переводе) «Беззаботное искусство

Истинное понимание возникает на перекрестках, где встречаются народы. Эти встречи нам открывают новое в самом шекспировском оригинале.

На конгрессе выступали японские ученые. Спектакль елизаветинских времен, говорили они, ближе к представлениям традиционных японских театров Но и Кабуки, нежели к современной европейской сцене. Посмотрев мужчин, играющих женские роли в японском театре, легче представить себе мальчика — Офелию или Дездемону — в театре шекспировском. Соедине-

нием Шекспира. Любопытно к этому писателю (Пушкин называл его «отцом нашим») всегда сочеталась с совершенной свободой его толкования. Знаменитый крик Гамлета — Мочалова, некогда потрясший театр: «За человека страшно мне!», как известно, не существовал в тексте трагедии. Но недавно Белинский парировал возможные упреки: Шекспир не написал этих слов, но он мог бы их написать!

Я уверен и в том, что постановка «Гамлета» Гордоном Крэггом и К. С. Станиславским в Московском Ху-

выразиться, «кусочками». Только отдельные фильмы разных периодов попадают в широкий прокат, другие, тоже поставленные в разные времена, демонстрируются в сinemатеках, кино клубах. Труд энтузиастов, подобных г-же Жюбер, особенно важен в сопоставлении с общей панорамой проката.

Больше всего на меня действовала сама обстановка просмотров в кино клубах. Были заполнены даже проходы, молодежь сидела на эстраде, на полу. В такой аудитории легко говорить. Я чувствовал, что нахожусь среди друзей. Перед «Королем Лиром» мне пришлось сказать несколько слов. Я начал с того, что фильм — черно-белый, что в нем нет роскошных костюмов, что жанр «коммерческих боевиков» мне ненавистен. Я убедился в том, что и аудитории думала так же.

Во Франции к столетию юбилею Парижской Коммуны был выпущен в прокат фильм «Новый Вавилон», который мы с Траубергом сняли в 1929 году. Его тоже показывала канадская синемаатека. И мне пришлось говорить с аудиторией о двух работах, между которыми лежит несколько десятилетий. Но так ли они различны? Да, если брать их по отдельности, как фильмы, которые лежат в коробках и являются только единицами кинопроката, — даже технология совсем другая. Но если брать их в перспективе какого-то пути, движения, увидишь внутреннюю общность, пристрастие к одним явлениям, отвращение к другим...

У канадской молодежи есть большое желание узнать наше кино. Интерес к тому, «как было на деле». Мне приходилось обращаться к слушателям с просьбой задавать вопросы. Студенты перебивали друг друга, руки одновременно поднимались в разных концах зала. Легко и приятно говорить с такой аудиторией. В одной из рецензий по поводу моего доклада на конгрессе писалось, что в настороженности аудитории был и особый «подтекст»: выступал человек с «другой стороны». Сотруднику газеты, вероятно, виднее, но я чувствовал иное: дружелюбие, интерес, пожелание успеха.

В университете города Труа-Ривьер дискуссия продолжалась в фойе: сама собой образовалась мизансцена; молодые люди в самых экзотических костюмах сидят на полу, поджав под себя ноги, стоят, другие забрались на подоконник, жарко, шумно... Хорошо!

ВАНКУВЕР — МОНРЕАЛЬ — КВЕБЕК — ТРУА-РИВЬЕР

Григорий КОЗИНЦЕВ

ШЕКСПИР, КОМПЬЮТЕРЫ И ТОТЕМЫ

студенты разыгрывали отрывки из шекспировских пьес: босоногий юноша в джинсах выкрикивал слова Макбета, а другой, рыжий и веснушчатый, был совсем неплохой Отелло.

Нужно сказать, что и сами шекспироведы, представители ученых шекспировских ассоциаций, внешне изменились до неузнаваемости. Дома у меня хранится курьезная фотография начала века (подарок из ГДР): небольшой бюст Шекспира в городском парке, а вокруг — группа людей в старомодных фраках и цилиндрах, бороны клинышком, закрученные вверх усы — это Шекспировское общество Германии.

А теперь! Несколько красивых смуглых женщин в узких пестрых платьях и высоких тюрбанах — шекспироведы из Африки. Увидел я и монахинь и с полнатым удивлением спросил: что же является их специализацией? Наверное, религиозные мотивы у Шекспира?

— Боже сохрани! — ответили мне. — Лингвистический анализ. Они работают на компьютерах...

Когда вы попадали на

В ту же минуту ко мне обратилась, тоже прочтя фамилию на карточке, незнакомая дама:

— Господин Козинцев! Я — оппонент по вашему докладу, мое имя Барбара де Мендоса, я из Рио-де-Жанейро.

Так совершались знакомства, но уже через два-три дня делегаты знали друг друга, и дискуссии начинались прямо в столовой самообслуживания, когда заведующие кафедрами и шекспироведы с мировым именем мерно продвигались с подносами, на которых стояли тарелки с бэкон-энд-эгз, овсянкой, к автоматам с кофе и молоком.

СПОРЫ И ДИСКУССИИ

Проблематика конгресса была широкой (материалы будут опубликованы в специальном издании), темами докладов и дискуссий стали «Проблемы поэзии и прозы», «Шекспир и его елизаветинские современники», «Музыка как структурный элемент», «Шекспир и другие искус-

Шекспира». В прекрасном изложении, начисто лишенном педантизма, ученый привел множество примеров «невыверженности», «противоречий», «недоработки» в знаменитых пьесах. Именно это, как показал ученый, — воля поэта, иногда даже отсутствие закономерности в развитии тех или иных мотивов — отнюдь не «недостатки», но условие естественной интонации, легкости жизненного движения у Шекспира. Я вспомнил, что об этом же писал Б. Л. Пастернак. В процессе перевода шекспировских трагедий он открывал в подлиннике описки, повторы, которые легко было бы исправить. Но они воскрешали русскому поэту условия шекспировского труда: Пастернак писал о глубокой жизненности Шекспира, о том, что его реализм родился не в тиши кабинета, а в неубранной утробной комнате гостиницы, «заряженной бытом, как порохом».

Но еще большее, нежели отдельные доклады, пусть и самые глубокие, дает, на мой взгляд, само сближение национальных культур на «территории» Шекспира.

Не так давно в Ванкувере состоялся первый всемирный шекспировский конгресс. Подготовкой его, длившейся пять лет, руководили канадские университеты имени Симона Фрейзера и Британской Колумбии, Шекспировская ассоциация США, Шекспировское общество Японии и другие научные организации, чья деятельность посвящена изучению творчества великого британца. Возглавил конгресс профессор Рудольф Хабенихт. Конгресс собрал широкое и авторитетное представительство шекспироведов всего мира — в нем участвовало более пятидесяти делегатов из 30 стран, выдающиеся филологи, историки, лингвисты, искусствоведы. На конгресс был приглашен народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Григорий Михайлович Козинцев — постановщик кинофильмов «Гамлет» и «Король Лир», автор многих шекспироведче-

ских исследований, последнее из которых — книга «Наш современник Вильям Шекспир» — не так давно вышло в нескольких изданиях на русском и английском языках. Г. М. Козинцев выступил на конгрессе в Ванкувере с докладом «Шекспир в XX веке: театр и кино», вызвавшим горячий интерес аудитории и взволнованные отклики в канадской прессе. В день торжественного закрытия конгресса был показан фильм «Король Лир». Наутро в одной из газет можно было прочитать: «Король Лир» — кульминация конгресса».

Г. М. Козинцев совершил поездку по Канаде, выступив в университетах Монреаля, Квебека и Труа-Ривьер. Наш корреспондент обратился к Григорию Михайловичу с просьбой рассказать о своих впечатлениях от шекспировского конгресса, от встреч с университетской молодежью Канады.

World Shakespeare Congress

ние силы страсти и условности формы, свойственное игре японских артистов, позволяет воскресить черты елизаветинского театра.

И действительно. В японской киноверсии шекспировского «Макбета» (фильм «Трон в крови»), где действие перенесено в феодальную Японию, за спинами самураев трепещут, как крылья, флаги. Увидев эти кадры из фильма Акиры Курасава, я вспомнил шекспировскую метафору «пернатые войска», к которым обращается, прощаясь с прошлым, Отелло. В том же фильме Курасава безумие леди Макбет передано актрисой одним лишь поразительным движением рук, с которых она не может смыть кровь. Создать этот «танец рук» помогли традиции японского театра Но, европейским коллегам актрисы вряд ли было бы под силу так сыграть безумие шекспировской героини.

На шекспировских «перекрестках», где встречаются нации и национальные культуры, по-новому встает и огромная проблема «русского Шекспира». Есть особые свойства в нашем по-

дожественном театре в 1911 году определили мировой шекспировский театр на полвека, в чем сейчас часто приходится убеждаться. Кстати, хотелось бы здесь вспомнить ценное исследование Н. Н. Чупкина о Гамлете — В. Качалове в этом спектакле, которое по полноте материалов и серьезности представляется мне одной из лучших книг в шекспироведении.

В КАНАДСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Конечно, будучи в Канаде, я интересовался тем, насколько здесь знают советское искусство, кино в частности. Впрочем, вернее было бы сказать, хотя и знать. Убедиться в этом мне пришлось не только на конгрессе, но и во время поездки по университетским городам страны, куда я был приглашен Канадской синемааткой, руководимой госпожой Франсуазой Жюбер — дочерью композитора, расстрелянного нацистами во Франции.

Интересно, что мы доходим до зарубежной (во всяком случае, канадской) аудитории, если так можно